

Мы продолжаем дискуссию по проблеме самоопределения, которую начали в прошлом году *, полагая ее ключевой для национальных отношений «послесоветской» эпохи. Предпочсть ли нерушимость сложившихся границ праву наций (территорий) на свободное самоопределение или же, напротив, отдать приоритет последнему перед первым? Этот вопрос приобретает все большую остроту, ибо защита государственной целостности, т. е. национально-государственного устройства, которое сложилось в ходе «строительства социализма», ведет, по существу, к консервации системы советского тоталитаризма, менее всего готового считаться с правом и более всего рассчитывающего на насилие. И второй вопрос: являются ли обсуждаемые принципы взаимоисключающими или мыслимы паллиативные решения? Может быть, именно это важнее всего нам понять сегодня, чтобы язык орудий и взаимная ненависть уступили место диалогу и терпимости.

Научная дискуссия — наиболее адекватный путь к решению данной задачи, и редакция «ОНС» планирует ее продолжать.

Эдвард КЛАЙН

Самоопределение наций: созидание или опасная забава?

«Эд Клайн знает все», — так Андрей Сахаров закончил свое письмо президенту Картеру 20 января 1977 года. В нем шла речь о важности защиты узников совести в СССР, — «тех, кто страдает за свою ненасильственную борьбу за гласность, за справедливость, за попранные права других людей». Об этих людях Эд Клайн знал все. Заочное знакомство Клайна и Сахарова, перешедшее в тесную дружбу (а особенности личности Сахарова были таковы, что я мало о ком могу сказать, что он был другом Сахарова), началось в начале 70-х годов, когда Клайн стал одним из соредакторов и основных спонсоров издательства «Хроника-пресс». Тоненькие голубоватые книжки «Хроники текущих событий» и «Хроники защиты прав человека», а позже желтые сборники документов Хельсинкской группы на весь мир распространяли диссидентскую гласность. В 1969 году Клайн возглавил также издательство имени Чехова, книги которого хорошо известны русскоязычному читателю на Западе и читателям «тамиздата» в бывшем СССР. Он был первым издателем «Воспоминаний» Андрея Сахарова на русском языке и одним из редакторов английского издания этой книги.

* См. Блищенко И., Абашидзе А. Права национальных меньшинств в свете мирового опыта. «Общественные науки и современность», 1992, № 4.

Откуда и почему пришли к американцу по рождению и воспитанию, бизнесмену деятельная любовь к нашей стране, неослабевающий интерес к ее судьбе и к ее людям, я, полагая себя его многолетним другом, объяснить не могу. Но каждый, кто бывал в его нью-йоркской квартире (а гостеприимством Клайна и его жены пользовались, с тех пор как это стало возможным, многие новые политики, депутаты СССР и России, писатели, актеры) и видел высокие до потолка и во всю стену стеллажи с книгами по истории, литературе и культуре России от времени Киевской Руси до наших дней, наверняка был потрясен. И все они могли оценить уникальность личности хозяина, его необычайную эрудицию и непривычную для нашего общества терпимость — стремление не оспорить, но понять. А возможно, кто-то из гостей Клайнов сумел и осознать, что понятие «интеллигентность», о котором часто говорят как о российской особенности, — качество вполне международное.

Я рада тому, что мне выпала честь представить читателям журнала «Общественные науки и современность» Эдварда Клайна, сопредседателя российско-американской (неправительственной) группы по правам человека и президента американского Фонда Сахарова.

Елена Боннэр

Стремление наций к самоопределению вызывает противоречивое отношение с тех уже пор, как Йегова пообещал Аврааму, что его потомки станут великим народом и будут владеть землей Ханаанской. Связь между государством и нацией горячо обсуждалась в течение 150 лет, в период от французской революции до начала второй мировой войны, пока апелляция Гитлера к германскому национализму не скомпрометировала национальную тематику, сделал ее запретной для обсуждения. Фактически в послевоенный период в отношении расовых, этнических и национальных проблем существовало большее количество табу, чем в отношении проблем половой жизни.

Однако теперь развал советской империи вновь вывел вопросы этнической политики на первые страницы газет и вновь сделал национализм предметом серьезного изучения. Как пронизательно заметил Дж. Оруэлл: «Невозможно увидеть современный мир таким, каков он есть, если не отдавать себе отчета в силе патриотизма, лояльности в отношении своего народа. В определенных условиях эти патриотизм и лояльность могут быть разрушены, а на определенных уровнях цивилизации их вообще не существует, но нет ничего, что могло бы сравниться с ними как с положительной силой. Христианство и международный социализм ломки, как солома, в сравнении с ней».

Если Оруэлл прав, а я думаю, что современная история подтверждает его правоту, то было бы ошибкой игнорировать или подавлять этнические чувства и устремления и, напротив, следует найти путь для их удовлетворения. Это не означает, что каждое меньшинство должно иметь безусловное право на отделение. Абсолютные требования самоопределения должны быть смягчены с учетом исторических, демографических, экономических и географических реалий. Следует ли вернуть Манхэттен индейцам? Должна ли Македония быть принята в Организацию Объединенных Наций? Какая форма автономии будет устраивать и Квебек, и англоговорящую Канаду? Имеет ли Татарстан право на отделение от России? Все это, по существу, политические вопросы, для которых едва ли имеются идеальные решения. Миротворческая задача состоит в том, чтобы предложить долговременные и разумные решения и затем убедить стороны следовать этим решениям, не забывая, однако, слова В. Болито,

что «освобождение угнетенных народов — возможно, самое опасное из филантропических занятий».

Мыслители XIX века, взрастившие идею национального государства: один народ — одно государство, рассматривали ее как неперменный атрибут демократии. Дж. С. Миль в «Размышлениях о представительном правительстве» утверждал, что «свободные институты почти невозможны в стране, объединяющей несколько национальностей, и что вообще необходимым условием существования независимых институтов является совпадение з основных границах юрисдикции правительства и этнической территории.

Следуя Милю и стремясь положить конец этническим конфликтам, приведшим к Балканским войнам, а затем и к первой мировой войне, В. Вильсон в феврале 1918 года призвал руководствоваться на мирных переговорах следующими принципами: «Каждое соглашение о послевоенных границах должно быть заключено в интересах населения этих территорий... и все четко определенные национальные стремления должны получить наиболее полное удовлетворение, какое только может быть представлено без создания новых причин для раздора и увековечивания старых».

В соответствии с принципами Вильсона Парижская мирная конференция образовала новые государства, изменила границы и расселение народов. Однако многовековые перемешивания этнических групп сделали компромисс неизбежным. Для тех, кто в результате этого компромисса и по воле судьбы оказался в «чужом» государстве, как это произошло с национальными меньшинствами в нескольких государствах Центральной и Восточной Европы, Лигой Наций была введена система международной защиты. Она имела в виду создание следующих гарантий: защиту против дискриминации (членам национальных меньшинств было гарантировано равенство в отношении гражданских и политических прав) и предоставление позитивных прав (например, государственных субсидий на образование, религиозную жизнь; государственную поддержку благотворительных организаций; школьное обучение на языке национального меньшинства; предоставление политической автономии жителям Аландских островов).

Система защиты меньшинств, созданная Лигой Наций, развалилась с началом второй мировой войны, и идея специальной международной защиты прав меньшинств вышла из моды. Защитные меры, разработанные Лигой Наций, не смогли предотвратить уничтожение европейского еврейства и других меньшинств (некоторые обозреватели полагают, что, напротив, специальные привилегии, дарованные этим меньшинствам, сделали их объектом преследований). Более того, Гитлер оккупировал Чехословакию и Польшу под предлогом защиты прав немецких меньшинств в Судетах и в Данциге от нарушений, мнимых или реальных.

После войны, в первые годы деятельности Организации Объединенных Наций, американская склонность к решению национальных проблем путем ассимиляции и недоверие к концепции коллективных прав, считавшейся Троянским конем советской экспансии, привели к тому, что правам меньшинств не уделялось систематического внимания. С другой стороны, социалисты, считаясь с групповой солидарностью, признавали лояльным лишь то, что относилось к классам, а не к национальности¹. Либеральная интеллигенция пришла к убеждению, что перед лицом ядерной войны только мировое правительство и глобальный подход к

¹ См. Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1980; Gellner E. Nations and Nationalism. Cornell, 1983, И Дж. Хобсбам, и Э. Геллнер рассматривают нацию как артефакт индустриализации, как переходную фазу на пути к интернационализму.

проблемам могут гарантировать выживание человечества. Они также стали рассматривать нации и государства как анахронизм, стоящий на пути равенства и эффективной мировой экономики. Современный вариант этой интернационалистской точки зрения был сформулирован Дж. Каренсом следующим образом: «Либералы протестовали против того, что феодализм ограничивал свободу, в том числе свободу передвижения в поисках лучшей жизни. Но современный институт гражданства и строгость государственных границ привязывают человека к месту его рождения почти столь же эффективно. Если феодальная практика была плоха, то что же оправдывает современную?... Города и провинции имеют границы, но эти границы не могут быть использованы для того, чтобы препятствовать людям пересекать их в любую сторону. И действительно, свобода передвижения внутри национально-государственных границ широко признается как одно из основных прав человека, и государства, ограничивающие это право, подвергаются осуждению со стороны тех, кто придерживается консервативной точки зрения на государственный суверенитет. Люди обычно свободны менять по собственному желанию свою принадлежность к внутринациональным общностям. Если так важно для людей иметь право свободно передвигаться внутри государства, разве не столь же важно им иметь право свободно пересекать государственные границы?»².

Это глобализированная концепция свободы и равенства, которая утверждает свободу передвижения в любых границах и настаивает на том, что все проживающие на территории данного государства, в том числе иностранцы, должны иметь равные гражданские и политические права, противоречит более традиционной точке зрения, согласно которой иммиграция и натурализация есть привилегии, и их дарование — прерогатива государства, и что защита прав иностранцев — это забота тех государств, в чьем подданстве они состоят.

Серьезным практическим препятствием к реализации концепции прав меньшинств является нежелание государства признать существование посреднических структур между ним и его гражданами. В то же время и для защитников прав человека, и для классических либералов камнем преткновения становится их боязнь, что признание групповых прав вообще и прав меньшинств в частности как-то принижает ценность индивидуума во имя коллективных прав. Хотя право на ассоциацию и имеет в виду возможность создания индивидуумами организаций или присоединение к ним, наличие особых групповых привилегий представляется противоречащим идее о правах человека, которыми он обладает «без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения». Тем не менее как бы ни были убедительны аргументы в пользу упразднения национальных и этнических различий, сохранение языка, традиций и этническая солидарность оказались важнее для многих курдов, ирландцев, словаков, осетин, басков, тибетцев, зулусов, крымских татар, тамилы, македонцев и других народов.

Х. Арендт в «Истоках тоталитаризма» упоминает о разочаровании, испытанном несколькими международными юристами, не имеющими политического опыта, когда они попытались обратить гражданские права подданных национального государства в абстрактные и не имеющие для них реального содержания «права человека». Она полагала, что только

² Barry B., Goodin R., eds. Free Movement. Pennsylvania State University Press, 1992, p. 26—27.

принадлежность к какому-либо организованному сообществу обеспечивает возможность эффективного пользования фундаментальными правами. Арндт отмечает, что жертвы злоупотреблений обычно разделяют презрительное отношение властей к международным нормам и процедурам — и те, и другие предпочитают опираться на гражданские права, предоставляемые установившимися политическими сообществами, несмотря на предполагаемые местные недостатки и различия³.

Поучителен тот факт, что хотя концепция всеобщих прав человека на словах получила в послевоенный период признание, специфические этнические проблемы решались *ad hoc*⁴: принудительная депортация немецкого меньшинства из Восточной Европы, изменение границ, создание национального еврейского государства, принудительное переселение этнических групп внутри СССР и ограничение их гражданских прав и т. д.

К 1966 году, когда был принят Международный пакт о гражданских и политических правах, настроения международного сообщества качнулись назад — от предпочтения ассимиляции как панацеи для решения проблем национальных меньшинств к признанию значимости национальных чувств. В конце концов, аргумент в пользу сохранения саамского народа в интересах национального многообразия ничуть не уступает тому, который настаивает на спасении рогойтой совы ради сохранения биологического разнообразия. Как сказал А. фон Лазар в «Размышлениях о заново рожденных европейцах» (Флетчерский Форум, лето 1992 года): «Национализм в современной Европе неизбежен... и не существует причины, по которой мы должны рассматривать создание и появление малых государств как какой-то анахронизм, болезненно напоминающий о кошмарной балканизации XIX и XX столетий в версии XXI века. Попробуйте сказать литовцам, хорватам, македонцам или словакам, что они «нежизнеспособны». Они вам просто ответят, что, рассматривая хотя бы последнее тысячелетие, они очень жизнеспособны, как день ото дня доказывают их язык, их культура и само их существование».

Согласно 1-ой статье Пакта о гражданских и политических правах, «все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Хотя кое-кто и интерпретировал эту статью как относящуюся исключительно к заморским колониям европейских империй, словаки, литовцы, баски и другие «порабощенные народы» настаивали на том, что и им должно быть гарантировано такое право⁵.

Национальное государство, следовательно, рассматривается как фундаментальная категория мировой структуры, однако создатели Пакта понимали, что достижение полного отождествления нации и государства возможно отнюдь не всегда. Чтобы не допустить нарушений прав меньшинств доминирующим национальным большинством, на чьей территории эти меньшинства проживают, 27-я статья

³ Ситуация с беженцами и лицами без гражданства улучшилась благодаря Конвенции о статусе беженцев 1951 года, Протоколу о статусе беженцев 1967 года, Конвенции о статусе апатридов 1954 года, Конвенции о сокращении числа лиц без гражданства 1961 года и Декларации о территориальном убежище 1967 года.— *Прим. авт.*

⁴ Здесь — «применительно к случаю» (лат.).— *Прим. персе.*

⁵ Ирония заключается в том, что после первой мировой войны, наоборот, именно жители индийских и африканских колоний были воодушевлены словами Вильсона, что «все четко определенные национальные стремления должны получить наиболее полное удовлетворение», обращенными к чехам, полякам и другим европейским народам.

Пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что «в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком»⁶.

В 1971 году Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств поручила Ф. Капоторти подготовить «Исследование о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам». Завершенная в 1977 году, эта работа дает полное представление об истории, теории и практике защиты прав меньшинств. В своем предисловии Капоторти пишет:

«Разумеется, для достижения конкретных результатов необходимо, чтобы государство искренне придерживалось самого принципа международной защиты меньшинств и проявляли твердую решимость уважать принципы, изложенные в статье 27-ой Пакта. Правда, на пути всеобщего признания такого подхода стоит целый ряд препятствий. Любая международная система защиты лиц, принадлежащих к меньшинствам, вызывает недоверие и опасения. Во-первых, считают, что она является предлогом для вмешательства во внутренние дела государств (особенно в тех случаях, когда меньшинства имеют этнические или языковые связи с иностранными государствами). Во-вторых, ввиду весьма различного положения меньшинств в отдельных странах государства скептически относятся к универсальному юридическому подходу к этой проблеме и выражают недоумение по поводу возможности применять единообразные правила к весьма различным конкретным ситуациям. Кроме того, некоторые государства считают, что сохранение самобытности меньшинств является угрозой для их единства и стабильности. Еще один выдвигаемый аргумент заключается в том, что специальные меры по защите, направленные на обеспечение подлинного равенства между большинством и меньшинством в каждой стране, неминуемо приводят к различию в положении; в таких условиях обнаруживаются, по-видимому, начала дискриминации в обратном направлении. Короче говоря, правительства предпочли бы не быть связанными в вопросах политики в отношении меньшинств...

Однако эти обстоятельства не должны обескуражить тех, кто верит в необходимость установления международной системы защиты лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Большая часть возражений, высказанная против установления такой системы — опасность вмешательства во внутренние дела государства, разнообразие ситуаций, угроза нарушения стабильности государства, — в основном носит тот же характер, что и возражения, которые выдвигались в течение многих лет против международной защиты прав человека вообще. Тем не менее принцип защиты прав человека медленно, но неуклонно завоевывал признание. В качестве первого шага по обеспечению эффективной защиты прав лиц, принадлежащих к меньшинствам, следует убедиться, что такая защита является неотъемлемой частью современной системы прав человека. Принципы, изложенные в статье 27-ой, в юридическом плане уже твердо установлены; они должны рассматриваться точно так же и в политическом, и в социальном, и в психологическом планах. Следует также учесть

⁶ Сравнительно недавним свидетельством растущего признания групповых прав является новая Конвенция о коренных и племенных народах (принятая в 1989 году Международной Организацией Труда), которая прямо заменяет ассимиляционистские стандарты старой конвенции 1957 года положениями, поддерживающими стремление коренных народов сохранить свои национальные особенности и управлять своей собственной судьбой.

все связанные с ними последствия: это трудоемкая работа, к которой необходимо приступить немедленно»⁷.

1 августа 1975 года в Хельсинки государства, участвовавшие в проходившей там Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, заявили о своей приверженности десяти принципам, на которых будут отныне основываться их взаимоотношения. Среди этих принципов: невмешательство во внутренние дела суверенных государств; нерушимость границ и территориальная целостность; самоопределение народов; уважение прав и основных свобод человека вне зависимости от расы, пола, языка или вероисповедания; защита прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

В приложении к конкретным ситуациям эти принципы часто оказываются противоречащими друг другу. Можно ли совместить самоопределение армянского населения Нагорного Карабаха с сохранением территориальной целостности Азербайджана? Имеет ли ООН право на «вмешательство с гуманитарными целями», чтобы предотвратить дурное обращение с боснийскими мусульманами, и включает ли это право также и право бомбить сербов⁸? Должны ли представители крымско-татарского народа иметь право вето в отношении законов, принятых большинством крымского парламента? Имеют ли русские жители Таллинна автоматическое право на эстонское гражданство и должны ли они обладать в полной степени всеми гражданскими и политическими правами? Должен ли вопрос о возможном переходе Южной Осетии в состав России решаться референдумом?

Проблема выработки концептуальных рамок, в которых эти вопросы могут быть разрешены, усложняется отсутствием общепризнанных определений для таких ключевых понятий, как «народ», «меньшинство» и «самоопределение». Ясно, однако, что эти понятия относятся к вещам настолько реальным, что они способны раскалывать государства и разжигать войны.

В связи с развалом советской империи углубленное понимание ролей государства и нации в современном мире стало делом, имеющим важные практические последствия. В надежде стимулировать дискуссию по вопросам этнической политики, которая вышла бы за пределы абстрактных теорий и банальных утверждений, я выдвигаю следующие тезисы:

1. Вне зависимости от того, является ли мировое правительство желанным и возникнет ли оно когда-либо, суверенные государства продолжат свое существование в течение следующих десятилетий, если не веков. Государство является посреднической структурой между индивидуумом и универсальными этическими и правовыми нормами и фактически

⁷ Проект «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным или языковым меньшинствам» был принят Комиссией ООН по правам человека в феврале 1992 года. Европейская Комиссия за демократию посредством закона предложила «Европейскую конвенцию о защите меньшинств», и Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе решила создать пост Верховного комиссара по делам национальных меньшинств для урегулирования напряженностей, связанных с проблемами национальных меньшинств в странах, подписавших Хельсинкские соглашения.— *Прим. авт.*

⁸ Доктрина вмешательства с гуманитарными целями была развита в XVII веке Х. Гро-тиусом, который утверждал, что если обращение государства с его собственными гражданами шокирует совесть мира, тогда другие государства имеют законное право на применение силы с целью исправления ситуации. На вмешательство с гуманитарными целями в 1877 году ссылались русские, сражаясь за независимость Болгарии от Турции; на это ссылались в 1898 году Соединенные Штаты Америки, вмешавшиеся в гражданскую войну на Кубе; Организация Объединенных Наций в 1961 году, проводя военные операции в Конго; Индия, поддерживая отделение Бангладеш от Пакистана; Танзания, свергая Иди Амина; Вьетнам, когда оккупировал Камбоджу. Критики доктрины вмешательства с гуманитарными целями рассматривают ее как не регулируемый законом предлог, используемый могучими государствами для навязывания своей воли маленьким и слабым государствам.

само обладает обширными «групповыми правами», как, например, правом принимать конституцию и законы, регулирующие поведение его граждан. Права меньшинств, включая этническое групповое право на сохранение национальной культуры, являются фактором обуздания власти национальной государственной власти.

2. Право каждого человека на жизнь, свободу и неприкосновенность личности является фундаментальной аксиомой концепции прав человека и выражает ее дух. Признание прав меньшинств не должно служить для государств, этнических групп и иных образований предлогом для нарушения или принижения индивидуальных гражданских прав, предусмотренных Пактом о гражданских и политических правах⁹.

3. Государственные образования и их границы менялись со временем и будут меняться. Современная политическая география вряд ли есть образец совершенства в смысле порядка расселения народов и территориальных границ. Отделение, слияние государств и пересмотр границ будут поэтому оставаться возможным, а также полезным способом решения этнических конфликтов, хотя не следует забывать и слова американской Декларации независимости: «Чувство разумной осторожности говорит нам, что давно образованные правительства не должны подвергаться изменениям по легковесным или преходящим причинам». При определении государственной принадлежности и институтов власти желание большинства населения, проживающего на данной территории, должно быть доминирующим фактором, но безопасность и благополучие меньшинств, не согласных с мнением большинства, а также соседних народов и международного сообщества должны быть приняты во внимание. Если самоопределение народа приводит к ситуации, представляющей очевидную опасность для жизненных интересов других народов, оно может быть отложено или его условия могут быть модифицированы, а в экстремальных случаях решение о нем может быть отменено.

4. Отделение не должно быть первым рассматриваемым вариантом при разрешении проблем этнического плюрализма, поскольку оно часто приводит к насилию и к болезненным нарушениям в экономической и социальной сферах¹⁰. Федерализм (Индия, Швейцария, Испания) и территориальная автономия (Пуэрто-Рико, Гренландия, Южный Тироль) являются более традиционными формами этнического плюрализма, но культурная автономия, которая предоставляет права ассоциациям лиц, а не определенным территориям, может иметь достоинства там, где географическое перемещение этнических групп делает территориальное разделение нереалистичным¹¹. Добровольное перемещение населения (или даже, в некоторых случаях, не добровольное, если оно проводится с тщательным соблюдением гуманитарных процедур) может оказаться меньшим злом, чем кровавый этнический конфликт.

5. То, что государственные структуры, похоже, будут существовать

⁹ Проект «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным или языковым меньшинствам» предусматривает в статье 3.2, что «никакое лицо, принадлежащее к какому-либо меньшинству, не должно страдать в результате осуществления или неосуществления им прав, изложенных в настоящей Декларации», а в статье 8.2 подчеркивается, что «осуществление прав, изложенных в настоящей Декларации, не должно препятствовать кому-либо в осуществлении его прав и основных свобод».

¹⁰ См. Buchanan A. *Secession: the Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec*. Westview Press 1991, представляющую разумную попытку разработки нормативной теории отделения.

¹¹ См. Raanan U. et al. *State and Nation in Multi-Ethnic Societies: the Breakup of Multinational States*. Manchester University Press, 1991, которая содержит полезные статьи по теории и практике культурной автономии в Австро-Венгерской империи. Соединенные Штаты, кажется, движутся от модели «плавленного котла» к «культурному многообразию», т. е. от их фундаментальной веры в ассимиляцию к приятию личной этнической автономии.

в течение обозримого будущего, не означает, что концепция суверенитета не может быть изменена. Сегодняшняя международная обстановка, по-видимому, благоприятствует экономической интеграции государств, происходящей с передачей значительной доли власти в распоряжение надгосударственных и международных механизмов управления (Европейское Экономическое Сообщество, Международный Валютный Фонд, Общее Соглашение о Тарифах и Торговле), а также передаче доли власти подгосударственным образованиям (Каталония, Шотландия, Татарстан). Она также, видимо, благоприятствует прогрессу в области передачи судебных функций, функций арбитража и посредничества надгосударственным организациям (Международному Суду, Европейскому Трибуналу по правам человека, Совещаниям по безопасности и сотрудничеству в Европе).

В том, что касается прав человека, происходит постоянная эрозия доктрины невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Международное сообщество теперь, кажется, воспринимает дипломатическое давление как приемлемый ответ на дурное обращение государства с его собственными гражданами, а в случаях чрезвычайной жестокости — и экономическое давление считается приемлемым. Однако иностранное военное вмешательство, хотя оно полностью и не исключается, по-прежнему вызывает подозрения из-за частых злоупотреблений со стороны государств, преследующих свои собственные интересы, из-за того, что такое лекарство приносит часто больше страданий, чем сама болезнь, и поскольку военное вмешательство очень редко достигает своей цели.

6. Для выработки жизнеспособных соглашений существенно выяснение фактической стороны конфликта. Хотя попытки наблюдателей, сколь бы беспристрастными они ни были, установить факты, лежащие в основе этнического конфликта, могут, скорее, возбудить, чем успокоить национальные страсти, а исследование физических, психологических и культурных различий между этническими группами есть дело деликатное, потенциальная польза этих попыток перевешивает связанный с ними риск, если исследование проводится добросовестно, профессионально.

Этнические конфликты — не уникальное явление, присущее только нашему времени или только Восточной Европе. Некоторые из этих конфликтов, как, например, притязания Германии и Франции на Эльзас, ушли в историю. Другие, такие, как ирландский вопрос, судьба палестинских арабов и китайское владычество над Тибетом, продолжают пылать. Соединенные Штаты также имеют свой собственный комплекс проблем этнической политики и среди них — отношения белых и чернокожих, права индейцев, статус Пуэрто-Рико, двуязычное обучение в школах. Ответы не придут легко, поскольку в них должна быть учтена «искривленная древесина человечества». Ясно, что эксперимент по созданию «нового советского человека» был обречен на неудачу. Мы должны научиться искать жизнеспособные и долговременные — и необязательно идеальные и вечные — решения этнических конфликтов путем взаимодействия с реальными людьми и народами, с такими, каковы они есть. В противном случае нам нужно закалить свои души, чтобы быть готовыми к кровопролитию и страданиям*.

* Проницательные замечания, высказанные Э. Блейном, и его мастерство редактора намного улучшили первоначальные варианты настоящего эссе. С. Ковалев и В. Чалидзе сделали предостерегающие замечания относительно того, что утверждение коллективных прав может быть использовано для умаления прав индивидуума.